

В ту зиму, незадолго до Шестинедельной войны, мы с котом Петронием Арбитром жили на старой ферме в штате Коннектикут. Сомневаюсь, сохранился ли дом до сих пор, — зона поражения от ракеты, промазавшей по Манхэттену, прошла совсем рядом, а старые каркасные дома горят, как папиросная бумага. Даже если он и выстоял, вряд ли кому придет в голову арендовать его — в тех местах выпали радиоактивные осадки. Но тогда нас с Питом он вполне устраивал. Водопровода там не было, и поэтому арендную плату не вздували; к тому же комната, служившая нам столовой, выходила окнами на север, а при таком освещении удобно работать с чертежами.

Единственным недостатком нашего жилища были одиннадцать дверей, ведущих наружу. Двенадцать, если считать дверь Пита. Я всегда старался устроить для него персональную дверь — на этот раз я вставил в окно нежилой спальни доску и вырезал в ней кошачий лаз, достаточно широкий для усов Пита. За свою жизнь я потратил слишком много времени, открывая двери котам. Как-то я подсчитал, что с момента своего появления человечество провело за этим занятием девятьсот семьдесят восемь человеко-веков. Могу показать выкладки.

Обычно Пит пользовался своей дверью, хотя предпочитал человечесью и вынуждал меня ее открывать, но наотрез отказывался выходить через свою дверь, как только выпадал снег. Тогда он принуждал меня открывать ему человечесью дверь.

Еще пушистым шустрым котенком Пит выработал для себя простую философию, в соответствии с которой я должен был отвечать за жилье, пищу и погоду, а он — за все остальное. Но особую ответственность, как он считал, я нес за погоду. А вы знаете, что зимы в Коннектикуте хороши разве что на рождественских открытках. Той зимой Пит взял за правило подходить к своей двери, обнюхивать ее — и поворачивать обратно. Его, видите ли, не устраивало противное белое вещество, покрывавшее землю и все вокруг. Он начинал приставать ко мне, чтобы я открыл ему человечесью дверь. У него было твердое убеждение: хоть одна из дверей да должна открываться в лето.

Поэтому всякий раз мне приходилось обходить вместе с ним все одиннадцать дверей и приоткрывать их по очереди, дабы он убедился, что за каждой из них та же зима. И с каждым новым разочарованием росло его недовольство мною.

Так что он оставался дома до тех пор, пока внутреннее гидравлическое давление не выгоняло его наружу. Когда он возвращался, льдинки на лапах стучали по полу, словно башмаки на деревянной подошве. Он свирепо посматривал на меня и отказывался мурлыкать, пока не обкусит все до последней льдинки, после чего милостиво прощал меня — до следующего раза.

Но он никогда не прекращал искать Дверь в Лето.

Третьего декабря 1970 года я тоже искал ее.

Мои попытки были столь же безнадежны, как поиски Пита тогда, в январском Коннектикуте. Весь снег, что выпал в Южной Калифорнии, остался лежать в горах, на радость лыжникам. В центре Лос-Анджелеса снега не было вообще, — должно быть, он не мог пробиться сквозь смог. Но в сердце у меня царила зима.

На здоровье я не жаловался, если не считать хронического похмелья. Мне еще не стукнуло тридцати, и денежные дела у меня были в порядке. За мной никто не гнался: ни разгневанные мужья, ни полиция, ни судебные исполнители — словом, ничего такого, что нельзя было вылечить легкой порцией амнезии. Но в сердце у меня все равно была зима, и я искал Дверь в Лето. И не потому, что я так уж жалел себя, хотя, конечно, жалел. В конце концов, больше двух миллиардов человек на планете находились в худшем положении, нежели я. Но Дверь в Лето искал я один.

Большинство дверей, что я проверил за последние дни, были двустворчатыми и открывались в обе стороны, наподобие той, перед которой я сейчас стоял. Она вела, если верить вывеске, в гриль-бар «Сан-Суси». Я вошел, выбрал кабинку неподалеку от входа, осторожно поставил на сиденье дорожную сумку и примостился рядом, поджидая официанта.

— А я у-у? — спросила сумка.

— Успокойся, Пит, — отвечал я.

— Мя-а-а-у!

— Не дури, не так уж долго ты сидишь в сумке.

И закрой пасть, официант идет.

Пит замолк. Когда я поднял голову, официант уже наклонился над столиком.

— Двойной скотч, стакан воды и бутылочку имбирного пива.

— Имбирное пиво, сэр? Со скотчем? — Официант, похоже, расстроился.

— Есть у вас имбирное пиво или нет?

— Почему нет, есть, конечно. Но...

— Тогда несите. Я не собираюсь его пить — я буду смотреть на него и показывать ему язык. И прихватите блюдце.

— Как угодно, сэр. — Он протер столик. — А как насчет бифштекса? Или устриц? Сегодня устрицы очень хороши...

— Послушайте, приятель! Если обещаете не приносить устриц, я включу их стоимость в чаевые. Все, что мне надо, я уже заказал... И не забудьте блюдце.

Он наконец заткнулся и ушел. Я еще предупредил Пита, чтоб не дергался, — морская пехота не подведет. Вернулся официант: бутылку он нес на блюдце — самоутверждения ради. Пока он открывал лимонад, я успел смешать виски с водой.

— Принести стакан под пиво, сэр?

— Мы, ковбои, пьем только из горла.

Он заткнулся и молча взял с меня деньги за выпивку и чаевые, не забыв включить в счет устриц. Едва он убрался, я налил в блюдце пива и постукал по сумке:

— Кушать подано, Питер.

Сумка была открыта. Когда я ношу в ней Пита, то никогда не застегиваю молнию. Пит когтями раздвинул края сумки, высунул голову и быстро огляделся. Потом вылез и оперся передними лапами о край стола. Мы переглянулись, и я поднял стакан:

— За слабый пол, Пит! Чтоб вовремя встретить и вовремя расстаться!

Он молча кивнул в ответ — это полностью соответствовало его собственной философии. Потом изящно наклонил голову и принялся лакать пиво.

— Если такое, конечно, возможно, — добавил я и сделал приличный глоток.

Пит не ответил. Для него забыть даму сердца труда не составляло — он был прирожденным холостяком.

За окном, на другой стороне улицы, бежали буквы рекламы. Сперва они сложились в слова: «ТЫ СПИШЬ, А СЛУЖБА ИДЕТ», потом появилось: «ОКУНИСЬ В СОН, И ВСЕ БЕДЫ ВОН!» Затем загорелись буквы вдвое больше прежних:

СТРАХОВАЯ КОМПАНИЯ
«ВЗАИМНАЯ ГАРАНТИЯ».

Я прочитал рекламу трижды, не вникая в смысл. О приостановленной жизни я знал не больше остальных. Когда об этом заговорили в первый раз, я прочитал популярную статью на эту тему. Да еще два или три в неделю с утренней почтой мне поступали рекламные проспекты страховых компаний. Я выбрасывал их не читая: это касалось меня не больше, чем реклама губной помады.

Во-первых, до недавнего времени я не смог бы заплатить за «холодный сон»: он стоил недешево. Во-вторых, с какой стати человеку, который увлечен работой, умеет делать деньги и надеется, что вскоре их у него станет еще больше, да к тому же влюбленному и, можно сказать, почти женатому, — с какой стати ему, спрашиваю я вас, становиться наполовину самоубийцей?

Другое дело, если человек неизлечимо болен и приговорен врачами к смерти, но считает, что

медицина будущего спасет его. К тому же он в состоянии оплатить приостановку жизни на тот срок, пока врачи не научатся исцелять его недуг. Тогда, конечно, игра стоит свеч. Или, скажем, человек мечтает совершить путешествие на Марс. Он полагает, что если перескочит на одно поколение вперед, то получит возможность купить билет на рейс Земля — Марс. В этом, я считаю, тоже есть своя логика. В какой-то газете была статья об одной парочке, которая прямо из-под венца отправилась в Храм Сна Западной страховой компании. Они заявили журналисту, что оставили распоряжение разбудить их, только когда станет возможным провести медовый месяц на межпланетном лайнере... Я сильно подозреваю, что это всего лишь рекламный трюк; парочка же, получив гонорар, смылась через черный ход, заблаговременно, уже под другими именами. Да и кто поверит, что нашлись бы желающие провести свою первую брачную ночь в ящике со льдом, словно какая-нибудь замороженная скумбрия?

Все страховые компании откровенно заманивали клиентов, напирая, как правило, на финансовую сторону дела: «Ты спишь, а служба идет» (читай: «И денешки тоже!»). Лежите, мол, себе спокойно, а ваши скромные сбережения за время сна превратятся в целое состояние. Положим, вам пятьдесят пять лет и из пенсионного фонда вы получаете пару сотен в месяц. Так почему бы вам не проспать полсотни лет, проснуться в том же возрасте и получать уже ежемесячно тысячу! Не говоря о том, что пробудились бы вы в новом светлом мире, где наверняка вам будет уготовано жить еще долгие годы припеваючи в добром здравии. Это то, на что давили все компании. Причем каждая стреми-

лась с помощью «точных подсчетов» доказать, что страховки именно этой компании дадут в будущем самый большой процент прибыли: «Ты спишь, а служба идет!»

Меня это несколько не вдохновляло: мне еще не стукнуло пятидесяти пяти, оставлять работу я не собирался и ничего плохого в 1970 году не ожидал. Не интересовали до недавнего времени — так будет вернее. А теперь — нравилось мне или нет (вообще-то, не нравилось) — меня лишили работы; вместо того чтобы наслаждаться медовым месяцем, я торчал во второразрядном кабаке и, чтобы забыться, глушил виски, а жену мне заменял ободранный кот с нездоровой тягой к имбирному пиву. В настоящее время у меня не было никаких привязанностей, да и к чему они мне? Я бы их все променял на ящик джина, а потом одну за другой опустошил бы бутылки.

Но уж кем-кем, а банкротом я точно не был.

Из кармана пиджака я вытащил конверт и открыл его. В нем лежали две бумаги: одна — заверенный чек на сумму, которую я раньше и представить себе не мог, не то что держать в руках; другая — заверенный в банке список акций «Горничная, инкорпорейтед». Обе бумаги были слегка помяты: я таскал их в кармане с тех пор, как получил.

Почему бы и нет?

Почему бы мне не залечь на дно, не окунуться в сон, чтобы беды вон? Куда приятнее, чем Иностранный легион, и не так мерзко, как самоубийство, а заодно избавит меня от людей и событий, испортивших мою жизнь. Так почему бы и нет?

Нет, к богатству я не стремился. Конечно, я читал «Когда спящий проснется» Герберта Уэллса, когда он еще был просто классическим романом,

это уже потом страховые компании стали раздавать книгу бесплатно. Я знал, что можно получать по сложным процентам или в результате роста биржевых котировок. Но я и не был уверен, хватит ли у меня средств оплатить Долгий Сон и одновременно вложить сумму, достаточно крупную, чтобы игра стоила свеч. Меня больше прельщала другая сторона дела — лечь баиньки и проснуться, если так можно выразиться, в мире ином. Будет ли он лучше, как уверяют страховые компании, или хуже — кто знает? Но что он будет иной — это точно.

Но я должен быть твердо уверен, что просплю достаточно долго, чтобы не застать в этом мире Белл Даркин или Майлза Джентри, особенно — Белл. Если ее не станет, я смогу забыть ее, забыть то, что она сделала со мной, вычеркнуть ее из памяти... А пока мое сердце раздирает на части оттого, что я знаю, что она всего в нескольких милях отсюда.

Что ж, прикинем. Белл сейчас двадцать три, — во всяком случае, она так утверждает. Правда, однажды она проговорила, что помнит президентство Рузвельта. Ладно, пусть ей еще нет тридцати. Если проспать лет семьдесят, от нее один некролог останется. Пусть будет семьдесят пять — для верности.

Потом я вспомнил об успехах в гериатрии. Толкуют, что скоро продолжительность жизни достигнет ста двадцати лет и такой возраст, мол, вполне достигим. А может, стоит залечь лет на сто, — правда, я не уверен, в состоянии ли хоть одна страховая компания предложить мне столь длительный анабиоз.

Тут под теплым дыханием виски мне в голову пришла поистине дьявольская мысль: вовсе не

обязательно дожидаться смерти Белл. Достаточно, более чем достаточно, просто идеально отомстить женщине тем, что остался молодым, когда она превратилась в старуху. Разницы лет в тридцать хватит вполне, чтобы ткнуть ее в это носом.

Я почувствовал легкое прикосновение лапы.

— Ма-а-ло! — объявил Пит.

— Ненасытное брюхо, — проворчал я и вновь наполнил блюдец лимонадом.

В знак благодарности он немного помедлил, потом вновь принялся жадно лакать. Но он уже прервал поток сладостно-мстительных мыслей. Да, а что, черт побери, мне делать с Питом? Кот — не собака, его в чужие руки не отдашь; он попросту такого не вынесет. Иногда кошки привязываются к дому, но Пит не таков. Для него с тех самых пор, как девять лет тому назад его отняли от матери, единственной опорой в нашем изменчивом мире был я. Даже в армии я умудрялся держать его при себе и ради этого шел на любые ухищрения. Пит пребывал в добром здравии и, похоже, сдавать не собирался, хотя шрамов у него хватало. Сообразывай он склонность к лидерству со своими возможностями — ему еще лет пять выходить победителем из всех драк и плодить потомство.

Я мог бы, конечно, оплатить содержание в кошачьем пансионе до конца его дней (немыслимо!); мог бы усыпить его (так же немыслимо!) или просто бросить. С кошками всегда так: или вы безропотно выполняете принятые на себя обязательства — или бросаете несчастное создание на произвол судьбы, обрекая на одичание, и разрушаете его веру в высшую справедливость. Как Белл разрушила мою веру.

Стоп, Дэнни! Выкинь-ка все это из головы. Твоя собственная жизнь может лететь под откос, но тебе все равно придется выполнять принятые на себя обязательства перед избалованным котом.

Тут мои философские размышления были прерваны. Имбирное пиво попало Питу в нос, и он чихнул.

— *Gesundheit!*¹ — сказал я. — И не старайся вылакать все блюда за один присест.

Пит не обратил внимания на мои слова. В общем и целом он лучше меня умел вести себя за столом — и знал об этом.

Наш официант околачивался возле кассы и трепался с кассиром. Наступило послеобеденное затишье, и, кроме нас с Питом, еще несколько посетителей сидели у стойки. Когда я сказал «*Gesundheit!*», официант взглянул в нашу сторону и что-то сказал кассиру. Они оба посмотрели на нас, затем кассир вышел из-за стойки и направился к нам.

— Полундра! — тихо скомандовал я.

Пит огляделся и нырнул в сумку, которую я тут же прикрыл. Кассир подошел, облокотился на столик и быстрым взглядом окинул всю кабинку.

— Извини, друг, — начал он тусклым голосом, — но кота придется отсюда убрать.

— Какого кота?

— Того самого, что ты поил из блюда.

— Не вижу никакого кота.

Он нагнулся и заглянул под столик.

— Ты засунул его в сумку, — уличил он меня.

— В сумку? Кота? — недоуменно переспросил я. — Мой друг, вы страдаете острой фигуральностью речи.

¹ Будь здоров! (нем.)

— Что? Выражайся по-человечески! Кот у тебя в сумке. Открой ее.

— Есть у вас ордер на обыск?

— Слушай, не валяй дурака.

— Это вы валяете дурака, требуя осмотра моей сумки без ордера. Война давно кончилась, и Четвертая поправка снова действует. Ну, как я понимаю, вопрос урегулирован. Передайте официанту, чтобы он повторил заказ, или организуйте все сами.

Он, похоже, обиделся.

— Друг, я ведь против тебя ничего лично не имею, но терять лицензию мне неохота. Видишь, вон там, на стене, табличка. На ней ясно написано: «Посетители с кошками и собаками не обслуживаются». Мы стараемся соблюдать санитарные нормы.

— Плохо стараетесь. — Я поднял свой стакан. — Видите следы губной помады? Вам бы следовало получше присматривать за посудомойкой, а не обыскивать посетителей.

— Не вижу никакой помады.

— Она почти вся стерлась, пока я пил. Но давайте отправим стакан в Санитарное управление, пусть они там микробов посчитают.

Он вздохнул:

— Ты что, полицейский? У тебя есть значок?

— Нет.

— Тогда мы на равных. Я не буду обыскивать твою сумку, а ты не потащишь меня в Санитарное управление. А теперь, если хочешь выпить еще, подходи к стойке и бери что надо... с собой. Но не здесь.

Он развернулся и направился к кассе.

Я пожал плечами:

— Мы как раз собирались уходить.

Я поднялся, подхватил сумку и поплелся к выходу. Когда я проходил мимо стойки бара, кассир спросил:

— Без обид?

— Без обид. Правда, я собирался чуть позже привести сюда свою лошадь, она тоже любит выпить. Теперь не приду.

— Как вам угодно. В правилах о лошадях ничего не говорится. Вот только еще один вопрос: этот кот действительно пьет имбирное пиво?

— Четвертая поправка, помнишь?

— Да я не хочу на него смотреть, я просто спросил.

— Ладно, так и быть, скажу. Вообще-то, он предпочитает, когда эту бурду разбавляют чем-нибудь покрепче. Ну, если придется, пьет и неразбавленное.

— Да? Он так испортит себе почки. Взгляните-ка сюда, приятель.

— Куда-куда?

— Сдвинься немного, чтобы твоя голова была вровень с моей. Теперь посмотри на потолок. Над каждой кабинкой среди потолочных украшений — зеркало. Видишь? Я знал, что у тебя кот, потому что я его видел.

Я выгнулся, как он сказал, и взглянул вверх. На потолке забегаловки было множество странных украшений, в том числе зеркала. Теперь я увидел, что некоторые из них располагались под таким углом, что с места кассира весь зал просматривался, как в перископ.

— Мы вынуждены были так сделать. — Он словно бы оправдывался. — Ты не представляешь, что творилось бы в кабинах, не присматривай мы за клиентами. Мир полон скверны.

— Аминь, друг, — завершил я нашу содержательную беседу и направился к двери.

Очувтившись на улице, я раскрыл сумку и понес ее за одну ручку. Пит тут же высунул голову.

— Слышал, что он сказал, Пит? Этот «мир полон скверны». И что еще хуже, друзья тут не могут спокойно выпить, чтобы за ними не шпионили. Так что вопрос решен.

— На-ау? — спросил Пит.

— Как скажешь. Но если уж решили, зачем откладывать?

— На-ау! — согласился Пит.

— Принято единогласно. То, что нам надо, — напротив. Только улицу перейти.

Секретарша в приемной «Взаимной гарантии» являла собой восхитительный образец чисто функциональной внешности. Обтекаемость основных форм (хоть сейчас разгоняй до скорости 4 Маха¹) дополняли фронтальные обтекатели радаров наведения на цель... ну и все прочее, что требовалось для выполнения ее основного предназначения. Я напомнил себе, что к тому времени, когда я отсюда выйду, она превратится в окаменелость, и сказал, что хочу видеть продавца.

— Присядьте, пожалуйста, — завибрировала она. — Сейчас взгляну, кто из администраторов свободен.

Не успел я расположиться, как она возникла опять:

— Вас примет наш мистер Пауэлл. Пройдите сюда, пожалуйста.

Обстановка в кабинете «нашего мистера Пауэлла» наводила на мысль, что дела в компании идут

¹ 4 Маха — около 1,2 км/сек.

в гору. Мистер Пауэлл подал мне свою влажную руку, усадил в кресло и предложил сигарету. Он попытался взять у меня из рук сумку, но я вцепился в нее мертвой хваткой.

— Итак, сэр, чем могу служить?

— Мне нужен Долгий Сон.

Брови мистера Пауэлла медленно поползли вверх, и он стал еще более обходителен. Не сомневаюсь, «Гарантия» не погнушалась бы и страховкой на семь баксов, но Долгий Сон отдавал в их руки все активы клиента.

— Весьма мудрое решение, — чуть ли не благоговейно откликнулся мистер Пауэлл. — Будь я свободен в выборе решения, то поступил бы так же. Но... ответственность за семью, знаете ли...

Он взял со стола бланк.

— Клиенты, выбравшие «сон», обычно спешат. Позвольте, я сэкономлю ваше время и все заполню сам... а пока мы организуем ваш медосмотр.

— Минутку.

— Да?

— Только один вопрос. Можете ли вы обеспечить «холодный сон» коту?

На его лице появилось выражение сначала удивления, потом обиды.

— Вы, конечно, шутите?

Я приоткрыл сумку, и Пит тут же высунул голову.

— Знакомьтесь, мой кореш. Итак, что скажете? Если нет, мы обратимся в страховую компанию «Центральная долина». Их офисы, насколько я знаю, в этом же здании.

Выражение обиды сменилось выражением ужаса.

— Мистер... Не расслышал вашего имени.

— Дэн Дэвис.

— Мистер Дэвис, едва клиент переступает наш порог, «Взаимная гарантия» берет его под свое назойливое покровительство. Я просто не могу позволить вам пойти в «Центральную долину».

— Интересно, как вы собираетесь «не позволять»? Применяя дзюдо?

— Что вы, что вы! — Он оглянулся и понизил голос. — Наша компания всегда соблюдает этические нормы.

— Вы имеете в виду, что «Центральная» не соблюдает?

— Нет-нет. Я этого не говорил. Мистер Дэвис, понимаю, конечно, что не могу надеяться повлиять на вас...

— Да я и не позволю...

— ...но осмелюсь посоветовать: сравните образцы контрактов нашей компании и «Центральной». Проконсультируйтесь с адвокатом, а еще лучше — с сертифицированным специалистом по семантике. И вам станет ясно, что предлагаем и реально обеспечиваем мы, а что может предложить «Центральная долина»? — Он снова оглянулся и наклонился ко мне. — Я не должен этого говорить — надеюсь, потом вы не будете ссылаться на меня, — но они даже не пользуются стандартными актуарными таблицами¹.

— Может, вместо этого они предоставляют клиенту более благоприятные возможности для помещения капитала?

¹ *Актуарные таблицы* — таблицы, в которых указаны вероятности наступления страховых случаев в зависимости от возраста клиента.

— Да что вы! Дорогой мой мистер Дэвис, вот наша компания распределяет между клиентами всю получаемую прибыль. Этого требует наш устав... в то время как «Центральная» является акционерной компанией.

— Возможно, мне стоит прикупить несколько их акций... Послушайте, мистер Пауэлл, мы попусту теряем время. Возьмет «Взаимная» заботы о моем приятеле или нет? Если нет, то я у вас и так слишком долго задержался.

— То есть вы имеете в виду, что хотите сохранить это существо живым при помощи гипотермии? И оплатите расходы?

— Я имею в виду, что нам обоим нужен Долгий Сон. И не называйте моего кота «это существо». Его зовут Петроний.

— Извините. Я поставлю вопрос иначе. Готовы ли вы оплатить два взноса — за себя и, э-э-э... Петрония — за помещение вас в наш Храм Сна?

— Готов. Но не два взноса. Взнос за себя, ну и сколько-то я доплачу, понятно, за Пита. Вы же можете поместить нас в один ящик. Разве честно брать одинаковую плату с кота и человека?

— Но ваш случай весьма необычен...

— Конечно. Но давайте поторгуемся чуть позже... или я поторгуюсь с «Центральной долиной». Давайте обсудим главное: можете вы выполнить мой заказ или нет?

— Н-да... — Мистер Пауэлл в задумчивости забарабанил по крышке стола. — Минутку. — Он поднял телефонную трубку. — Опал, дай мне доктора Барквиста.

Остального я уже не слышал — он включил систему индивидуальной защиты. Несколько ми-

нут спустя он положил свое орудие производства и улыбнулся так, словно у него помер богатый дядюшка.

— Хорошие новости, сэр. Я тут совершенно упустил из виду тот факт, что первые успешные опыты по замораживанию производились как раз на котях. Так что техника и основные особенности процесса хорошо известны. Фактически в Военно-морской исследовательской лаборатории в Аннаполисе есть кот, которому уже более двадцати лет поддерживают жизнь в состоянии гипотермии.

— А я-то думал, что ВМИЛ разрушили до основания, когда добрались до Вашингтона.

— Нет, пострадали только здания на поверхности, а подземные сооружения сохранились. Благодаря совершенной технике животное оставалось целым и невредимым более двух лет, а ведь его жизнедеятельность поддерживалась только автоматикой!.. И оно до сих пор живо-здорово — и не состарилось. Так и вы, сэр, будете здравствовать тот период времени, на какой доверите себя «Взаимной».

Мне показалось, он вот-вот перекрестится.

— Ладно, ладно. Давайте уже начнем торги.

Итак, мы обсудили четыре вопроса. Первый — как оплатить заботу о нас «Взаимной», пока мы находимся в спячке; второй — на какой срок мы уснем; третий — куда я собираюсь поместить свои капиталы на то время, пока буду лежать в морозильнике. И последний: как они поступят, если я откину копыта и не проснусь.

Я окончательно остановился на 2000 годе: приятная круглая дата, до которой спать-то всего тридцать лет. Я опасался, что, проспав дольше, полностью утрачу связь с действительностью. За те три

десяток лет, что я прожил на свете, столько всего случилось, что глаза на лоб лезут, — две большие войны и десяток войн поменьше, крушение коммунизма, Великая паника, искусственные спутники и переход на атомную энергию... Да что там, когда я был маленьким, у нас даже мультиморфов не было.

Возможно, двухтысячный год снесет мне крышу. Но если я не прыгну так далеко, у Белл не будет времени, чтобы превратиться в ходячую коллекцию морщин.

Когда дело дошло до вопроса, куда инвестировать мои накопления, я с ходу отмел государственные облигации и прочие консервативные вложения. Наша налоговая система изначально закладывает в них инфляцию. Я решил положиться на имевшиеся у меня акции «Горничной», а наличные вложить в другие ценные бумаги. Тут я особо уповал на акции компаний, занимавшихся перспективными разработками — к примеру, автоматизированных систем. Кроме того, я надеялся на одну сан-францисскую фирму по производству минеральных удобрений. Там проводили опыты над дрожжевыми культурами и годными в пищу водорослями. Людей на нашей планете становится с каждым годом все больше, а стейки и не думают дешеветь. То, что оставалось после сведения баланса, я попросил поместить в фонд доверительного управления «Взаимной».

Но главный вопрос был в том, как поступить со всем этим, если я загнусь во время спячки. Компания гарантировала, что мои шансы очень высоки — семь к десяти, что я буду жить через тридцать лет «холодного сна»... и компания готова была принимать ставки на любой исход. Шансы были нерав-

ные, но иного я и не ожидал. В любой честной азартной игре в выигрыше всегда тот, кто держит банк. Только мошенники заявляют, что дают новичкам отличные шансы, а страхование и есть легализованная азартная игра. Думаете, лондонский «Ллойд», самая старая и авторитетная страховая фирма в мире, играет в открытую? Партнеры «Ллойда» примут любую ставку с любой стороны. Но не надейтесь на свой выигрыш — ведь должен же кто-то оплачивать «нашему мистеру Пауэллу» счета от портного!

В общем, я распорядился в случае своей смерти все деньги до единого цента передать в трастовый фонд компании, из-за чего мистер Пауэлл чуть меня не расцеловал, что заставило меня задуматься над вопросом: насколько оптимистичны эти его шансы семь к десяти?.. Я же ухватился за этот вариант только из-за того, что становился (если выживу) наследником других клиентов, выбравших те же условия страхования (в случае их смерти, конечно). Чем не русская рулетка? При деньгах будет тот, кто выживет, ну и компания, которая, как обычно, урвет свой процент за то, что держит банк.

Я выбрал все варианты с высокой вероятностью пробуждения и обошелся без хеджирования в случае, если угадал неверно, и мистер Пауэлл возлюбил меня, как крупье любит идиота, который ставит и ставит на zero. Пристроив таким образом мои капиталы, мистер Пауэлл весьма здраво подошел к решению вопроса о взносе за Пита. Мы сошлись на пятнадцати процентах обычного взноса и составили на Пита отдельный контракт.

Теперь оставалось получить разрешение суда и пройти медицинское освидетельствование. Врачебный осмотр меня не беспокоил: я отписал все

в пользу компании на случай своей смерти, так что они должны были взять меня даже на последней стадии чумы. Но вот получить добро у судьи — долгая история. А без этого не обойтись, потому что клиент, пребывающий в «холодном сне», по закону числится живым, хотя и беспомощным.

Впрочем, мои опасения оказались напрасными. У «нашего мистера Пауэлла» были уже заготовлены все документы — общим числом девятнадцать, и каждый — в четырех экземплярах. У меня пальцы занемели, пока я их подписал. Потом явился посыльный, забрал всю пачку и поспешно удалился. Так что судьбу я и в глаза не видел.

Медосмотр оказался стандартной утомительной процедурой, если не считать небольшого эпизода. Закончив осмотр, врач строго посмотрел мне в глаза и спросил:

— Сынок, ты давно в запое?

— В запое?

— В запое, в запое.

— Да с чего вы взяли, доктор? Я трезв, как... как вы. «Королева кавалеру подарила каравеллу...»

— Брось валять дурака. Отвечай на вопрос.

— Да недельки две, может, чуть больше.

— Периодически тянет выпить? Сколько раз ты такие штуки выкидывал в прошлом?

— Ну, вообще-то, я никакой не алкаш. Видите ли... — И я принялся рассказывать о том, как поступили со мной Белл и Майлз и почему я был в таком состоянии.

— О, я умоляю!.. — Он предостерегающе поднял руку. — У меня хватает своих проблем, к тому же я не психиатр. Все, что меня интересует, — выдержит ли твое сердце предстоящую нагрузку, ко-

гда тебя охладят до четырех градусов по Цельсию. Вообще-то, мне плевать, если какой-то псих сует башку в петлю, да еще и завязывает ее сам. Я так считаю: одним дураком на свете меньше. Но остатки профессиональной этики не дают мне права разрешить человеку, чей мозг пропитан алкоголем, — не важно, что он за птица, — залезть в один из этих гробов. Повернись-ка кругом.

— Что?

— Спиной, говорю, повернись. Сделаю тебе укол в ягодицу.

Я повернулся — он уколол. Пока я растирал уколотое место, он продолжал:

— Теперь выпей вот это. Минут через двадцать станешь трезвым как стеклышко. Потом, если у тебя есть хоть капля здравого смысла, в чем я лично сомневаюсь, ты все обдумаешь и решишь — сбежать от своих проблем... или встретить их лицом к лицу, как и подобает мужчине.

Я выпил лекарство.

— Вот и все. Одевайся, твои бумаги я подпишу, но предупреждаю, что могу наложить вето даже в самую последнюю минуту. Больше ни грамма алкоголя, только легкий ужин. Ужин и никакого завтрака. Быть здесь для окончательного осмотра завтра в полдень.

Он повернулся ко мне спиной и удалился, даже не попрощавшись. Я оделся и вышел, кипя от злости. Мистер Пауэлл уже отложил мои экземпляры документов, подписанные в суде. Когда я забирал их со стола, он заметил:

— Можете оставить их здесь, если хотите. Заберете завтра в полдень... тот комплект, что отправится с вами в усыпальницу.